

УДК 323.281(091)(47+57)''155/191''

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ
XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА
С. П. Звягин, С. В. Макаrchук**

**THE RUSSIAN POLITICAL POLICE: IMPROVEMENT OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES
IN THE CENTER AND IN THE REGIONS IN THE XVIth – EARLY XXth CENTURIES
S. P. Zvyagin, S. V. Makarchuk**

В историческом контексте исследуется становление институтов, а также форм и методов розыскной деятельности политической полиции в центре и на местах, прежде всего в губерниях Сибири. Прослеживается взаимодействие органов общей и политической полиции. Раскрываются конкретные механизмы сыскной работы, оцениваются её результативность и качество.

Ключевые слова: *политическая полиция, розыскная деятельность, жандармские управления, охранные отделения, агенты наружного и внутреннего наблюдения, преступность, революционное подполье.*

In a historical context, the development of institutions, as well as forms and methods of investigative activities of political police in the center and in regions, primarily in the provinces of Siberia are examined. Traces of the interaction of general and political police are observed. Specific mechanisms of detective work, are revealed its effectiveness and quality are evaluated.

Keywords: *political police, investigative activity, the gendarmerie management, security offices, agents of the external and internal security, crime, the revolutionary underground.*

Среди множества тем отечественной истории, требующих более основательного освещения, а где-то и переосмысления, далеко не последнее место занимает проблематика правоохранительных органов. Политическая составляющая их деятельности накладывает исключительно серьёзный отпечаток на всю систему общественно-политической жизни страны. В этой связи важно изучить и подвергнуть общественному мониторингу формы и методы работы политической полиции, в том числе раскрыть механизмы действия политического сыска, связав как части и целое элементы его функционирования в центре и на местах.

Исторический контекст розыскной деятельности политической полиции очень важен, так как её институциональная, функциональная и методическая основы формировались и совершенствовались постепенно, начиная с глубокой древности.

Древнейшим источником права является обычай. На Руси свод устных норм обычного права т. н. “закон русский” упоминается уже в договоре 911 г. с Византией. С этого же времени у общества появляется необходимость в правоохранительной деятельности, исполнении функций контроля и принуждения, т. е. полицейских функций.

В древности розыск правонарушителя и доказательство его вины ложились на пострадавшего, а княжеские должностные лица (вирники, огнищане, мечники, метельники), как правило, исполняли лишь роль арбитров. Но уже на ранних стадиях развития русской государственности стали складываться различные формы и методы борьбы с правонарушениями.

В “Русской правде” описывается система борьбы с кражами (“татьба”). Вначале объявлялся “заклич”, когда пострадавший заявлял о пропаже в людном месте, чаще всего “на торгу”. Затем начинался “свод” – до-

просы свидетелей, а после этого – “гонение следа” – поиск доказательств и самого преступника. Специальные розыскные органы в Древней Руси отсутствовали, поэтому вышеуказанные действия осуществляли сами потерпевшие, общинники и добровольцы. Система доказательств состояла из свидетельских показаний, очевидцев (“видокон”), вещественных доказательств (“поличное”) и испытания огнём, водой и железом (“ордали”) – пытки. Полицейскую функцию выполнял фактически и институт “дикий виры”, когда связанные круговой порукой общинники вынуждены были платить штраф (“виру”) за преступление, совершённое на территории общины необнаруженным преступником [19, с. 22 – 24].

Первые розыскные органы на Руси возникли в XV – начале XVI в. Их роль выполнял институт “особых обыщиков”, присылаемых из Москвы “в случае умножения в какой-либо местности разбоев и татев”. Однако методы их работы, сводящиеся к пыткам, штрафам и постоянным поборам среди населения, не удовлетворяли местных жителей. Постоянные жалобы на притеснения со стороны “обыщиков” побудили Иоанна IV Грозного учредить постоянный полицейский орган из числа выбираемых на местах губных старост. Вместе со своими помощниками – “целовальниками”, они составляли губную избу – орган самоуправления, выполняющий полицейско-судебные функции и подчиняющийся Разбойному приказу. Для выявления “лихих людей” губные старосты применяли т. н. “повальные обыски” – фронтальные опросы представителей всех слоёв населения. Названных при “повальном обыске” людей при помощи целовальников доставляли к губному старосте. При губной избе существовали “запечных дел мастера”, которые и “выбивали” у подсудимого признания не без помощи пыток [28, с. 15 – 16]. В середине XVII в. роль

губных старост была передана назначаемым царём воеводам. К этому времени совершаемые преступления стали резко делиться на уголовные и политические и только своим назначенцам (а не выборным губным старостам) царь доверял расследование последних. Политический сыск стал одной из важнейших обязанностей воевод.

Политический сыск – это система, включающая выявление специальными структурами с помощью негласных методов лиц, чей образ мыслей и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляли опасность для данного государственного строя и его официальных представителей, пресечение такого поведения, а также предотвращение подобных явлений в будущем [18, с. 10].

Политические преступления впервые в русском законодательстве были выделены в отдельную группу при царе Алексее Михайловиче в Соборном уложении 1649 года. К ним относились преступления против должностных лиц и органов управления. В особую группу выделены статьи “О государьской чести и как его государское здоровье оберегать”. В этом отношении законодательство не проводило разграничения между умыслом и деянием. В ст. 1 записано: “Будет кто каким умышленьем учнёт мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслит и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию” [29, с. 27].

Формируется система политической тайной полиции. Наряду с Разбойным приказом был создан Приказ тайных дел, занимающийся в основном государственными преступлениями. Складывалась организация политического сыска. Каждый шаг воевод по этому вопросу контролировался из Москвы. По любому доносу в столицу посылались результаты розыска, а также “расспросные” и “пыточные” речи свидетелей и обвиняемых. Исключительно важное значение приобретало политическое доносительство, сложившееся при Петре I в отлаженную фискальную систему.

Специальные должности доносителей по политическим и должностным преступлениям создавались при губернских правлениях, в провинциях и городах. Координировал их усилия существующий при Сенате обер-фискал. Так, жертвами доносов обер-фискала А. Я. Нестерова стали сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, князя Долгорукие, солепромышленник Григорий Строганов, заводчик Никита Демидов. При следствии по доносу на М. П. Гагарина, по просьбе А. Я. Нестерова, сенаторы приказали в Сибирском приказе “письма распечатать, осмотреть и неприлишные отдать, а прилишные запечатать” [1, с. 142]. Так начиналась широко распространенная впоследствии система перлюстрации.

В Петровские времена окончательно сформировались органы общей и политической полиции, определены их задачи и компетенция. Впервые в России стал употребляться сам термин “полиция”, вытеснивший постепенно соответствующее русское слово “благочиние”. Делами общей полиции стала ведать Петербургская полицеймейстерская канцелярия во главе с генерал-полицеймейстером А. В. Девиером. В данной ему лично Петром инструкции указывалось,

что общая полиция должна надзирать за благоустройством и санитарией, охранять общественный порядок и бороться с преступностью, обеспечивать пожарную безопасность. Переименованная уже после смерти Петра в Главную полицеймейстерскую канцелярию, она с 1737 г. стала ведать складывающейся в стране паспортной системой. Первоначально паспорта стали выдаваться лицам, покидавшим Петербург дважды в неделю, а также адъютантам императрицы Анны Иоанновны [13, с. 158].

Политической полицией при Петре I ведал Преображенский приказ и Тайная розыскных дел канцелярия. Начала складываться система политического контроля над обществом, включающая в себя регулярный сбор и анализ специальными ветвями государственного аппарата информации о настроениях в обществе, отношении отдельных его членов к действиям властей, а также политический сыск и репрессии.

В период “просвещенного абсолютизма” Екатерины II действовала Тайная экспедиция Сената, делом которой стали внесудебные политические расправы над А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым. Дела Е. Пугачёва, Я. Мировича, а также обстоятельства чумного бунта расследовали специально созданные временные следственные комиссии. Несмотря на суровые приговоры, несколько смягчились методы следствия. Так, Екатерина II провозгласила отказ от пыток. В то же время общество ставилось под тотальный полицейско-политический контроль. В 1782 г. был принят “Устав благочиния или полицейский”, согласно которому все “общества, товарищества и братства” могли создаваться только с разрешения полиции. Это относилось к просветительским, общественно-политическим кружкам, торговым объединениям, религиозным сектам и масонским братствам [28, с. 53]. Указом 1783 г. “О вольных типографиях” вводился институт полицейской цензуры книг, газет и журналов, напечатанных в частных типографиях.

Александр I возвестил о создании новых органов государственного управления – министерств, среди которых было и Министерство внутренних дел (МВД). В рамках министерства сосредоточилось управление как общей, так и политической полиции. Первоначально МВД сконцентрировало в своих руках колоссальное множество функций, в т. ч. руководство государственной промышленностью, строительством, торговлей, почтой, здравоохранением. Руководство общей полицией осуществлялось одной из экспедиций Департамента внутренних дел, носившей название “Экспедиция спокойствия и благочиния”. В рамках реформ М. М. Сперанского была предпринята попытка выделить из МВД специальное Министерство полиции, но вскоре оно вновь оказалось в лоне МВД.

Малочисленность управленческого аппарата общей полиции определялась невысоким уровнем преступности. Преступления в большей части носили очевидный характер, поэтому не было острой проблемы с их раскрываемостью. Так, в Томске убийства и грабежи происходили не чаще одного раза в месяц [21, с. 11]. В целях профилактики уголовных правонарушений была усилена постовая служба, увеличилось число полицейских будок на улицах городов. Для ох-

раны порядка формировались специальные полицейские команды из “нижних воинских чинов”.

После ликвидации Тайной экспедиции Сената руководство политической полицией перешло к Особой канцелярии МВД. В целях политического сыска при Александре I создавались также различные “негласные комитеты” в т. ч. Особый секретный комитет (Комитет высшей полиции). Однако все эти подразделения не выдержали испытания временем – они проглядели подготовку восстания декабристов. В 1926 г. создается новая структура управления политической полицией – через III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК). Основу III отделения составили сотрудники Особой канцелярии МВД. С этого времени и до 1880 г. руководство общей и политической полиции оказывается в разных ведомствах.

В компетенцию III отделения СЕИВК входило осуществление организационных и практических мероприятий в области политического сыска, а также общий надзор за государственным аппаратом управления. Исполнительным органом III отделения стал Корпус жандармов, дислоцированный в 8 жандармских округах, на которые была разделена вся страна. Шефом Жандармского корпуса назначался начальник III отделения СЕИВК А. Х. Бенкендорф.

В агентурной работе отделения, как отмечают исследователи, было немало слабых мест. В частности, агентурные сведения доносились на уровне “толков и слухов”, они, как правило, не выходили за пределы данных наружного наблюдения. Не было хорошо подготовленных и специально засылаемых в организации секретных сотрудников. Ограничен был банк данных для донесений: наружное наблюдение, слухи и толки, перлюстрация писем, материалы обысков. Слабо был организован внутренний справочный материал отделения [14, с. 13]. На отсутствие хорошо организованной заграничной агентурной сети указывает то обстоятельство, что руководство III отделения, испытывая “недостаток” в агентах, использовало в своих целях служебные командировки чиновников других ведомств [26, с. 50 – 55]. Однако первые шаги в создании отлаженной сети заграничной агентуры все же были сделаны.

Совершенствовались формы и методы работы общей полиции, находящейся в структуре МВД. В ходе общественно-политических преобразований второй половины XIX в. общая полиция подверглась значительной реорганизации. Судебно-следственные функции полностью изымались из её ведения и передавались вновь учрежденным судебным следователям. Городскую и уездную полицию объединили, подчинив уездным полицейским управлениям. С 1880 г., в связи с упразднением III отделения СЕИВК, общая и политическая полиция стали вновь управляться единым органом – Департаментом полиции МВД. Основным звеном полицейской структуры на местах стал участок во главе с приставом. Участки делились на околотки, возглавляемые околоточными надзирателями, которым подчинялись городские, несущие патрульно-постовую службу.

Но малочисленный состав и несовершенство управления не позволили полиции справиться с общим ростом преступности во второй половине XIX –

начале XX века. Так, в записке к отчёту по Бийскому полицейскому округу местный окружной исправник замечал: “Населению Бийского округа, как сельскому так и городскому, одно полицейское управление не может удовлетворить во всех неотложных нуждах, потому что, кроме исполнительных частей на обязанности полицейских чиновников лежит... много других разнообразных и многосложных предметов... много в полицейском управлении остаётся просьб и бумаг без рассмотрения... Трупы лежат иногда до полугода без следствий и медицинского освидетельствования; арестантские дела по целым годам лежат без существенного производства по ним следствий” [31, с. 3 – 4]. Подобное положение было характерно и для других полицейских округов страны.

Функции политической полиции после упразднения III отделения СЕИВК стал выполнять Особый отдел Департамента полиции. Отдельный корпус жандармов делился на две части. Одна часть была сведена в губернские жандармские управления (ГЖУ), а другая – в железнодорожные полицейские управления. Шефом жандармов являлся министр внутренних дел. После убийства Александра II в стране создавались охранные отделения, возглавляемые чинами отдельного корпуса жандармов [30, с. 36 – 37].

Однако политические убийства продолжались. В 1883 г. народовольцами был убит инспектор тайной полиции и начальник Петербургского охранного отделения Судейкин. Затем последовали убийства министров внутренних дел Силягина и Плеве. Дело народовольцев восприняли эсеры. Но в их среду охранным отделениям удалось внедрить секретных сотрудников – “сексотов”. Даже руководитель боевой организации Партии социалистов-революционеров Евно Азеф оказался агентом охраны. Ведя двойную игру, он одновременно принял участие в 28 покушениях на видных царских сановников [15, с. 37, 56]. Революционерам удалось разоблачить Азефа как провокатора лишь с помощью самого начальника Департамента полиции Лопухина, который за “раскрытие” сотрудника был осуждён и сослан в Сибирь [5].

Совершенствовались формы и методы работы заграничной агентуры, становление которой связано с именем П. И. Рачковского. В своей работе он широко применял методы политической провокации. Известны проведённые Рачковским провокационные мероприятия, связанные с разгромом революционных типографий в Женеве [27, с. 145]. Он требовал внедрять в ряды революционеров секретных сотрудников, причём основной акцент ставился на том, что главное внимание следует сосредоточить на действиях постоянной агентуры, а не “штучников”, как на профессиональном жаргоне называли лиц, сообщавших в Департамент полиции те или иные отрывочные сведения, к тому же нерегулярно [20, с. 67].

Ответом правительства на усиление подпольной революционной деятельности было совершенствование методов работы не только заграничной и центральной агентуры, но и внутренней государственной охраны на местах. Если в конце XIX в. в России было всего 3 охранных отделения – в Петербурге, Москве и Варшаве, то в начале XX в. районные охранные отделения имелись уже в 26 городах. Так, вся территория Сибири входила в сферу деятельности Иркутско-

го охранного отделения, и только её западная часть (Тобольская губерния) относилась к Пермскому районному охранному отделению [22, с. 16 – 19].

В сыскной работе районные охранные отделения опирались непосредственно на ГЖУ в штате которых и состояла агентура. Существовали два вида агентов: внутреннего и наружного наблюдения. Агенты наружного наблюдения (филёры) неустанно следовали “по пятам” отдельных революционеров, выявляя их явки, связи, конспиративные квартиры, адреса проживания. Вслед за ними они выезжали в другие города, наводя жандармерию на новые организации и “лица”. В своих сведениях филёры сообщали места проведения сходок, массовок, партийных собраний, адреса партийных типографий, складов “техники” и оружия [23, с. 24 – 25].

Иногда местные филёры “засвечивались” или не справлялись с работой, тогда им на помощь посылались сотрудники из других городов. В архиве сохранилось письмо начальника Пермского ГЖУ помощнику Тобольского ГЖУ в Тюменском уезде от 15 марта 1910 г.: “Для усиления наружного наблюдения по местной организации РСДРП мною вместе с сим командуются в Ваше распоряжение филёры вверенного мне Районного Охранного Отделения: Ефим Дюков, Дмитрий Родионов и Фёдор Аверкин о прибытии коих прошу меня уведомить” [11, л. 36]. Такие “летучие отряды” филёров действовали иногда очень эффективно. Например, прибывшему из Томска филёрскому отряду удалось за короткий срок установить наблюдение за всеми членами комитета Барнаульской организации РСДРП, результатом которого явилась её ликвидация в ночь с 21 на 22 декабря 1908 года [6, л. 6].

Сведения, поставленные филёрами, представляли для охранных отделений и жандармских управлений “сырой”, первичный материал. Они должны были провести “разработку” этих сведений, т. е. выяснить действительное значение указанных филёрами “лиц” и “мест”. И в этом отношении неоценимую услугу оказывали агенты внутреннего наблюдения – секретные сотрудники, внедряемые непосредственно в организационные структуры политических организаций. Несмотря на применение конспиративных приёмов, подпольные социал-демократические и эсеровские организации находились под постоянным внутренним наблюдением органов жандармской полиции.

Сексоты, прикрепленные практически к каждой организации, в немалой степени способствовали затуханию деятельности подполья. Особо крупные специалисты в области секретного сыска, действующие в Сибири (Н. Успенский, С. Беда, Д. Крут, Е. Крутиков), отслеживали связи и способствовали провалу целого ряда подпольных организаций [24, с. 18]. Пользуясь конспиративным сотрудничеством, установившемся между эсдековскими, эсеровскими и внепартийными политическими организациями, некоторые сексоты одновременно доставляли сведения о каждой из них. Так, Д. Крут выдал в 1915 г. не только членов Иркутской организации РСДРП, но и эсдеков и эсеров, объединившихся во внепартийный Союз сибирских рабочих. Деятельность Д. Крута как секретного агента охранного отделения была раскрыта лишь после Февральской революции в результате люстра-

ции документов Иркутского ГЖУ. Д. С. Крут был казнён по приговору суда [25, с. 114, 117].

Среди сексотов находились настоящие “специалисты” своего дела. Кроме уже указанного Е. Азефа, работающего среди социалистов-революционеров, таким являлся Роман Малиновский, работающий в среде социал-демократов-большевиков и являющийся некоторое время даже членом большевистской фракции Государственной думы [3, с. 294].

Такого же рода “специалисты” находились и в провинции. 25 сентября 1912 г. по наводке агента внутреннего наблюдения Е. А. Крутикова была ликвидирована организация РСДРП в Барнауле. Сам Крутиков также подвергся аресту, но вскоре был освобождён по ходатайству охранки. Социал-демократы Барнаула подозревали, что виновником их провалов является действующий среди них агент охранки. Заключенные в Барнаульском тюремном замке эсдеки решили, что это оставшийся на свободе Евгений Бессонов. Их решение было передано на свободу, и в январе 1913 г. над Бессоновым состоялся партийный суд, причём проходил он в присутствии подлинного сексота Крутикова. Подозреваемый виновным себя не признал, но состоявшийся вскоре ещё один суд всё же объявил его провокатором. Осуждение, хотя и невинного человека, встревожило подлинного провокатора, вынудив его уехать из Барнаула и начать предательское турне по организациям Сибири [17, с. 12].

Отпечаток на сведения сексотов налагал мотив его служения в охранке. Одно дело, когда секретный сотрудник рассматривал свою работу как временную и навязанную обстоятельствами, и другое – когда он служил “по зову сердца”, искренне ненавидя подпольные революционные организации и желая быстрого их разгрома. Сведения второго были более ценны. Не равнозначны также показания искренне работающего на охранку члена комитета и рядового члена “кружка” или “десятка”.

Некоторые сотрудники увлекались показаниями о деятельности партийцев в легальных организациях, как это было в Верхнеудинске [7, л. 30]. Часть “сотрудников” давали недостоверные сведения. В таких случаях жандармские управления сами отказывались от сотрудничества с ними. К примеру, в 1909 г. в штате Тюменской охранки находился секретный сотрудник “Лесной”, доставлявший сведения по двум организациям – ПСР и РСДРП. Однако чины охранки не были довольны деятельностью этого сотрудника, полагая, что “...сотрудник “Лесной”, находясь между двух организаций, собирает сплетни и существенной пользы не даёт”. Из той же секретной переписки явствует, что приобретённый в Тюмени для освещения дел в социал-демократической организации сотрудник Пётр Петухов – “Известен району, как не имеющий положительно никаких связей с революционными организациями, вследствие чего является совершенно бесполезным и, кроме того, по своим нравственным качествам совершенно не заслуживает никакого доверия. Ввиду чего желательно было бы теперь же отказаться от услуг названного лица” [12, л. 68 – 69].

Заинтересованные в объективной информации жандармские управления и охранные отделения применяли различные способы её проверки и уточнения.

В крупных подпольных организациях, как правило, действовали одновременно несколько секретных сотрудников, не подозревавших об агентурной деятельности друг друга. Так, провалу Томской организации РСДРП 15 января 1909 г. способствовала деятельность нескольких внедрённых в неё секретных сотрудников. Местным охранным отделением особо отмечалась “весьма полезная деятельность” сотрудницы “Черновой”, дающей показания с 1904 года. Сексотом являлся также муж “Черновой” – “Сидоров”. Вспомогательными агентами по перлюстрации писем состояли “Тонконогий” и “Плотный” [9, л. 32, 34 – 35]. В 1912 г. деятельность возродившейся организации, кроме указанных агентов, освещали “Большой” и “Петров”. В этом же году, учитывая роль студенчества в организации, в Томское охранное отделение был принят “сотрудником по партии с.- д.” студент-технолог В. А. Казаков под кличкой “Филигринг” [10, л. 4]. В 1915 – 1916 гг. сведения о социал-демократической организации Красноярска одновременно поставляли “Пеликанов”, “Михаил”, “Бритов”, “Кирсанов”, а по внепартийным организациям специализировался агент по кличке “Вася” [2, л. 1]. Подобная картина являлась характерной не только для Сибири, но и для России в целом.

Информация секретных сотрудников сравнивалась и анализировалась. Сексот наказывался, если при обыске у указанного им члена подполья не находили улики, и поощрялся за поставку “вещдоков” – конспиративных писем, подписных листов, членских билетов, печатей. Путём переписки между различными инстанциями наводились справки о прошлой революционной и политической деятельности указанных в донесениях лиц. Всё это позволяло жандармским управлениям и охранным отделением находиться в курсе основных дел оппозиционных правящему режиму нелегальных политических группировок.

Начало XX века было ознаменовано поиском новых форм в деятельности полиции. С 1906 г. почти постоянно работала комиссия по её переустройству. Проекты, как правило, сводились к одному – объединению всей полиции под руководством какого-либо органа. После событий 1905 г. появился проект реформы полиции, разработанный членом Совета министров внутренних дел, действительным статским советником В. Э. Фришем [4, с. 274], в котором предусматривалась всеобщая централизация полиции, создание единого Корпуса государственной стражи, объединяющего Корпус жандармов, охранные отделения, все виды общей, ведомственной и частной полиции. Численность полиции предлагалось увеличить из расчета один стражник на 500 городских жителей [8, л. 1 – 14]. Этот проект соответствовал политическому режиму империи, однако, из-за непомерных расходов, требуемых на его реализацию, был отвергнут правительством.

Существовали и другие проекты. 23 марта 1913 г. МВД представило в Совет министров «Законопроект о преобразовании полиции в Империи», которым завершилась работа комиссии под председательством А. А. Макарова, ставшего впоследствии министром внутренних дел. Один из главных выводов комиссии заключался в том, что на полицию возлагалось множество самых разнообразных обязанностей в области

гражданского управления, уголовного и гражданского суда, государственного и общественного хозяйства, а иногда технического и частного характера, что «... одна из существенных, если не главная причина неудовлетворительного течения полицейского дела в Империи, коренится в чрезмерном обременении чинов полиции обязанностями, не только не соответствующими её прямому назначению, но иногда совершенно ей чуждыми» [16, с. 1 – 3]. На местах предполагалось введение должности помощника губернатора по полицейской части, которому подчинялась бы вся полиция губернии.

Разрабатываемые проекты в основном касались институциональных основ деятельности общей и политической полиции. В то же время основные функции и методы политической розыскной работы, сформировавшиеся в дореволюционный период, остались актуальными и для последующих времён, вплоть до сегодняшнего дня. Для них характерны:

- 1) высокая степень централизации и концентрация политической розыскной деятельности в руках высшей государственной власти;
- 2) разграничение руководства и функций общей и политической полиции;
- 3) опора в политической розыскной деятельности на местах прежде всего на агентов внутреннего и наружного наблюдения;
- 4) поиск новых форм и постоянное совершенствование работы политической заграничной агентуры и агентурной сети внутри страны.

Литература

1. Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / М. О. Акишин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1996.
2. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф.837. Оп.1. Д.369.
3. Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. Изд. 3-е. – М.: Госполитиздат, 1990.
4. Бородин, А. П. Государственный совет России (1906-1917) / А. П. Бородин. – Киров: Кн. изд-во, 1999.
5. Бурцев, В. В погоне за провокаторами: репринтное издание / В. Бурцев. – М.: Современник, 1989.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1061. Оп.3. Д.4.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. ДП.00, 1915г. Ед.хр.5ч26лБ.
8. ГАРФ. Ф.102. Оп.261. Д.203.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.411. Оп.1. Д.391.
10. ГАТО. Ф.411. Оп.1. Д.398.
11. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф.239. Оп.1. Д.95.
12. ГАТюмО. Ф.239. Оп.1. Д.71.
13. Государственность России. Словарь-справочник. Кн.1. – М., 1996.
14. Евдокимов, С. В. Из истории спецслужб России. XVI – начало XX в. / С. В. Евдокимов // Из истории спецслужб Бурятии: материалы научно-практи-

ческой конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1997.

15. Жухрай, В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. Жухрай. – М.: Политиздат, 1991.

16. Журнал комиссии по преобразованию полиции в Империи. Заседания 24 и 27 апреля 1909 г. – СПб., 1913.

17. Звягин, С. П. Полиция и милиция России в XVIII – начале XX вв.: учебное пособие / С. П. Звягин, А. Б. Коновалов, С. В. Макаrchук. – Кемерово: Омск. академия МВД. Кемеровский филиал, 2001.

18. Измозик, В. С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты / В. С. Измозик // Политический сыск в России: история и современность. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997.

19. Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 1996.

20. Кравцев, И. Н. Тайные службы империи / И. Н. Кравцев. – М.: Политиздат, 1999.

21. Ларьков, Н. С. Полицмейстеры, комиссары, начальники / Н. С. Ларьков, В. И. Чернова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1999.

22. Макаrchук, С. В. Совершенствование специальных форм внутренней государственной охраны в Сибири. 1907 – февраль 1917 гг. / С. В. Макаrchук // Из истории спецслужб Бурятии: материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1997.

23. Макаrchук, С. В. Агентурные сведения как источник изучения политического подполья России в

начале XX в. / С. В. Макаrchук // Новое в изучении и преподавании истории в вузах: материалы научно-методической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994.

24. Макаrchук, С. В. Политическая полиция в России и в Сибири XVIII в. – 1917 г. / С. В. Макаrchук // Актуальные проблемы права и правоприменения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово: Омск. академия МВД. Кемеровский филиал, 2008.

25. Макаrchук, С. В. Агенты губернских жандармских управлений Сибири как субъекты политического сыска. 1907 – февраль 1917 гг. / С. В. Макаrchук // Политический сыск в России: история и современность. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997.

26. Оржеховский, И. В. Самодержавие против революционной России 1826 – 1880 гг. / И. В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982.

27. Перегудова, З. И. Политический сыск России. 1880 – 1917 гг. / З. И. Перегудова. – М.: Мысль, 2000.

28. Рубцов, С. Н. История российской полиции / С. Н. Рубцов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998.

29. Соборное уложение 1649 года. – Л.: Лениздат, 1987.

30. Спиридович, А. Записки жандарма. Репринтное издание / А. Спиридович. – М.: Пролетарий, 1991.

31. Шиловский, Д. М. Криминогенная обстановка на территории Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Д. М. Шиловский // Актуальные вопросы гуманитарных наук. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.